

РАЗНЫЕ ДОРОГИ

Прапорщик Воскресенский

“Многие художественные произведения о революции и гражданской войне в нашей стране уступают по своей силе реальным событиям”. К такому выводу пришел доктор исторических наук А. Квакин, изучавший документы русской коллекции Гуверского архива. Он отслеживал судьбу своего родственника Воскресенского, который некоторое время жил и работал в революционном Симбирске. Коренной он симбирянин или проживал у тетушки временно не известно, но у нас есть возможность посмотреть на события тех лет глазами прапорщика белой армии. Воскресенский во время первой мировой войны попал в плен. Был в лагерях военнопленных в союзной Германии, Австрии и в оккупированной немцами Дании, где нашел себе невесту. В ноябре 1917 года датское правительство решает интернировать русских пленных в Россию, к неудовольствию многих из них. Письмо Воскресенского к военному агенту, опубликованное в журнале “Родина” 2001 г., показалось мне интересным.

Рудольф Азбукин

Господин ротмистр Гмелин!
Я, прапорщик Воскресенский, который в прошлом году был интернирован из Австрии в Данию в лагерь Хорсерод. 10 ноября 1917 года я был вместе с другими офицерами интернирован в Россию...

В России я проживал в г. Симбирске вместе со своей тетушкой и в качестве землемера занимался в землеустроительной комиссии до тех пор, пока это было возможно. Я, глубоко ненавидящий большевиков, не мог поступить в ряды Красной армии и там служить, а потому в глазах большевиков я считался контрреволюционером, и жизнь моя находилась в постоянной опасности... Во время восстания наших освободителей-чехословаков я был большевиками арестован и заключен в тюрьму в Симбирске. В тюрьме я каждый день наблюдал, как группами уводились офицеры, студенты и т. д. за город и там были расстреляны. Я тоже ожидал [расстрела]. *О, кошмарная история! Но вот наши освободители-чехословаки вместе с «народной армией» после взятия г. Самары близко подошли к Симбирску и взяли город, так что красным не удалось привести в исполнение свой сумасшедший замысел — «красный террор».* Накануне взятия города гор[одским] комиссаром был отдан приказ буквально вырезать весь буржуазный и интеллигентный класс, но, слава Богу, это не удалось, и я вместе с другими был «народной армией» освобожден из тюрьмы. На другой день офицерство, студенчество и всякий могущий носить оружие как один человек встали на защиту государства против большевиков...

Первая офицерская рота, защищавшая подступы к мосту через Волгу близ Симбирска, никак не могла отступить за Волгу, была буквально разбита, и ее жалкие остатки разбежались по лесу. Я тоже был в составе Первой роты и, скрываясь несколько дней в лесу, добрался как штатский человек до Симбирска. В Симбирске, безусловно, оставаться я не мог ни одного дня, мне нужно было скрываться, а потому наскоро я собрал свои вещи и ночью выехал из Симбирска в соседний город Алатырь, конечно, как

штатский. В Алатыре я получил пропуск от «красных» до Москвы. В Москве я тоже не мог жить, так как не только в гостинице, но и в частном доме без прописки нельзя жить...

В это время в Москве была поголовная мобилизация всего мужского населения, начиная с 18[и] до 50 лет... Кроме того, из Москвы ввиду мобилизации были воспрещены выезды. Т[ак] ч[то] мне осталось только 2 выхода: или служить в рядах Красной армии, или достать бумаги военнопленного и выехать из Москвы за границу — на Украину или Лифляндию. Служить в рядах красных после того, как служил в рядах белых, я не мог — это равносильно смерти, а потому я решил достать бумаги военнопленного и как военнопленный выехал за границу...

Прожив инкогнито довольно продолжительное время в Москве в доме моего товарища, я выхлопотал себе бумаги военнопленного и выехал в Ригу. Нужно заметить, что во время перехода границы русской «товарищи» отобрали мои деньги и 2 штатских костюма, др[угие] вещи. Приехав в Ригу, я очутился без денег и без работы. Цель моего приезда в Ригу была та, чтобы поступить в ряды «белой армии» и вновь бороться против большевиков. Но, к сожалению, запись была прекращена... Что же делать? Ясно почувствовалось, что большевики возмут Ригу; попасть опять в их руки я не хотел. Я понимаю, пасть в честном бою — это хорошо, но попасть в их руки безоружным и знать, что они расстреляют, — нет, я этого сделать не мог — я должен бежать дальше... Но куда?..

Многоуважаемый ротмистр Гмелин! Я надеюсь, что Вам теперь понятно, что я не могу назад вернуться в Россию, пока там большевики. А потому мое желание, желание моей невесты — остаться здесь, в Дании, пока не наступит в России порядок. Я прошу Вас принять все зависящие от Вас меры, чтобы помочь мне получить на это разрешение.

Пока. Желаю Вам всего наилучшего. Ваш пр[апорщик] С. Воскресенский.